

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ И СМЪШЕНІЕ ЯЗЫКОВЪ

Кромѣ наказанія за первое грѣхопаденіе человѣчества въ лицѣ Адама и Евы, Священное Писаніе упоминаетъ еще второе наказаніе за коллективное грѣхопаденіе всего человѣчества, именно — смѣшеніе языковъ, послѣдовавшее въ видѣ кары за вавилонское столпотвореніе.

„Смѣшеніе языковъ“, т. е. установленіе множественности языковъ и культуръ, рисуется въ Священномъ Писаніи именно какъ кара, какъ проклятiе Божіе, аналогичное проклятiю „труда въ потѣ лица“, наложенному въ свое время на человѣчество въ лицѣ Адама. И то и другое проклятiе выражается въ установленіи естественнаго закона, противъ котораго человѣчество безсильно. Физиологическая природа человѣка и всего окружающаго міра устроена такъ, что добыча пропитанія связана съ затратой физическаго труда. Законы эволюціи народовъ устроены такъ, что неминуемо влекутъ за собой возникновеніе и сохраненіе національныхъ отличій въ области языка и культуры. Сколько бы человѣкъ ни изобрѣталъ машинъ, чтобы уменьшить примѣненіе своего физическаго труда, совсѣмъ упразднить этотъ трудъ никогда не удастся. И сколько бы люди ни стремились противоборствовать факту множественности національныхъ различій, эти раз-

личія всегда будутъ существовать. Но, мало того, физической трудъ настолько связанъ съ нормальнымъ функционированіемъ человѣческаго организма, что полное его отсутствіе вредно для здоровья, и что люди, не обязанные физически трудиться для добыванія хлѣба насущнаго, принуждены искусственно замѣнять цѣлесообразный ручной трудъ гимнастикой, спортомъ, моціономъ для поддержанія здоровья. Точно также, діалектическое дробленіе языка и культуры настолько органически связано съ самой сущностью соціального организма, что попытка уничтожить національное многообразіе привела бы къ культурному оскудѣнію и гибели.

Самъ по себѣ, въ чистомъ видѣ, трудъ никогда не бываетъ пріятенъ. Пріятными бываютъ только сопутствующіе труду чувства и настроенія, сознаніе своей силы и ловкости, интересъ къ непосредственному результату работы, чувство соревнованія, предвкушеніе отдыха и т. д. Чѣмъ меньше этихъ привходящихъ чувствъ и настроеній, тѣмъ яснѣе выступаетъ подлинная природа труда, какъ страданія. Извѣстно, что тамъ, гдѣ трудъ надо превратить въ наказаніе, его стараются прежде всего лишить всего, что могло бы его скрасить и скрыть отъ трудящагося подлинную природу труда, — каторга есть трудъ въ чистомъ видѣ. Въ видѣ особой милости Богъ даруетъ отдѣльнымъ людямъ физическую силу или преуспѣваніе въ работѣ. Но и эти Божіе дары скрашиваютъ трудъ лишь въ томъ случаѣ, если трудящійся сознаетъ ихъ какъ дары и радуется имъ, самый же трудъ остается трудомъ, т. е. страданіемъ.

Итакъ трудъ самъ по себѣ есть всегда страданіе, и законъ необходимости труда остается какъ вѣчное проклятіе, кара Божія за грѣхопаденіе человѣка. Наоборотъ законъ діалекческаго дробленія и неизбѣжной множественности національныхъ культуръ самъ по себѣ ни съ какимъ страданіемъ не связанъ. Этотъ законъ служитъ препятствіемъ для осуществленія многихъ человѣческихъ на-

мѣреній и „идеаловъ“, влечеть за собой часто войны, національную вражду, притѣсненія однихъ народовъ другими, но самъ по себѣ, въ чистомъ видѣ не связанъ съ страданіемъ. И это отличіе закона дробленія и множественности национальныхъ культуръ отъ закона обязательности физическаго труда стоитъ въ связи съ тѣмъ, что въ то время какъ послѣдній есть просто кара, наложенная на человечество за его первое грѣхопаденіе, законъ дробленія по Библии есть не столько кара, сколько отвѣтъ Бога на столпотвореніе вавилонское, божественное установленіе, имѣющее цѣль предотвратить и въ будущемъ попытки, аналогичныя постройкѣ вавилонской башни.

Совершенно отвлекаясь отъ вопроса объ исторической подкладкѣ библейскаго повѣствованія о вавилонскомъ столпотвореніи, слѣдуетъ признать за этимъ повѣствованіемъ глубокой внутренней смыслъ. Въ этомъ повѣствованіи Священное Писаніе рисуеть намъ человечество, говорящее на одномъ языкѣ, т. е. лингвистически и культурно вполне однородное. И оказывается, что эта единая, общечеловѣческая, лишенная всякаго индивидуальнаго, національнаго признака культура чрезвычайно однообразна: при громадномъ развитіи науки и техники (на что указываетъ самая возможность замысла стройки!) полная духовная безсодержательность и нравственное одичаніе. А вслѣдствіе этихъ свойствъ культуры — непомѣрное развитіе самодовольства и гордыни, воплощеніемъ чего является безбожный и въ то же время бессмысленный замыселъ постройки вавилонской башни. Вавилонская башня — чудо техники, но не только безъ религіознаго содержанія, а съ прямымъ антирелигіознымъ, кощунственнымъ назначеніемъ. И Богъ, желая воспрепятствовать осуществленію этого замысла и положить предѣлъ кощунственному самопревознесенію человечества, смѣшиваетъ языки, т. е. устанавливаетъ на вѣчныя времена законъ національнаго дробленія и множественности национальныхъ языковъ и культуръ. Въ этомъ актѣ божественномъ

ственного Промысла заключается съ одной стороны признаніе того, что безбожная самопревозносящаяся техника, ярко выразившаяся въ замыслѣ постройки вавилонской башни, есть не случайное, а неизбежное и естественное слѣдствіе самаго факта единообразной, національно-недифференцированной общечеловѣческой культуры, съ другой стороны — указаніе на то, что только національно ограниченныя культуры могутъ быть свободными отъ духа пустой человѣческой гордыни и вести человѣчество по путямъ угоднымъ Богу.

Внутренняя связь между столпотворенчествомъ и понятіемъ однородной общечеловѣческой культуры ясна. Всякая культура есть исторически непрерывно мѣняющійся продуктъ коллективнаго творчества прошлыхъ и современныхъ поколѣній данной соціальной среды, при чемъ каждая отдѣльная культурная цѣнность имѣетъ цѣлью удовлетвореніе опредѣленныхъ (матеріальныхъ или духовныхъ) потребностей всего даннаго соціального цѣлага или входящихъ въ его составъ индивидовъ. Поэтому всякая культура производитъ въ предѣлахъ даннаго соціального цѣлага нивелировку индивидуальныхъ различій его членовъ. Въ культурныхъ цѣнностяхъ, получающихъ признаніе, ступеваются отпечатки слишкомъ индивидуальныхъ чертъ ихъ творцовъ и слишкомъ индивидуальный тонъ потребностей и вкусовъ отдѣльныхъ членовъ даннаго соціально-культурнаго организма. Происходитъ это естественнымъ образомъ, въ силу взаимной нейтрализаціи полярныхъ, т. е. максимально противоположныхъ индивидуальныхъ различій. Въ результатъ, на всей культурѣ лежитъ отпечатокъ нѣкотораго средняго для членовъ данной соціальной среды психическаго типа. Чѣмъ больше индивидуальныхъ различія членовъ соціально-культурнаго цѣлага, тѣмъ расплывчатѣй и неопредѣленнѣе „безличнѣе“ средній типъ, воплощающійся въ культурѣ. Если представить себѣ культуру, творцомъ и носителемъ которой является все человѣчество, то ясно, что безличность и

расплывчатость въ такой культурѣ должны быть максимальны. Въ этой культурѣ должны воплощаться лишь тѣ психическіе элементы, которые общи всѣмъ людямъ. Вкусы и убѣжденія у всѣхъ людей различны, индивидуальныя колебанія въ этой области чрезвычайно сильны, — но логика у всѣхъ одна и матеріальныя потребности въ питаніи, экономіи труда и т. д. тоже у всѣхъ болѣе или менѣе одинаковы. Поэтому ясно, что въ однородной общечеловѣческой культурѣ логика, раціоналистическая наука и матеріальная техника всегда будутъ преобладать надъ религіей, этикой и эстетикой, что въ этой культурѣ интенсивное научно-техническое развитіе неизбежно будетъ связано съ духовно-нравственнымъ одичаніемъ. Необлагороженная духовнымъ углубленіемъ логика и матеріальная техника, „высушивая“ духовно-одичавшаго человѣка, въ то же время не только не облегчаютъ, но затрудняютъ ему путь къ истинному самопознанію и укрѣпляютъ въ немъ гордыню. И такимъ образомъ однородная общечеловѣческая культура неизбежно становится безбожной, богоборческой, столпотворенческой.

Напротивъ, въ культурѣ національно-ограниченной всему тому, въ чемъ проявляются интимныя духовныя потребности и предрасположенія, эстетическіе вкусы, нравственныя стремленія, словомъ весь своеобразный моральный и духовный обликъ даннаго народа, отводится почетное мѣсто. Вся духовная часть такой культуры, проникнутая своеобразной національной психикой интимно и органически близка ея носителямъ. Воплощеніе въ культурѣ духовнаго облика и духовнаго опыта похожихъ и родственныхъ натуръ облегчаетъ отдѣльнымъ членамъ даннаго національнаго организма работу личнаго самопознанія ¹⁾. И поэтому именно только въ предѣлахъ такой культуры могутъ возникать морально-положительныя, духовно-возвышающія человѣка цѣнности.

¹⁾ См. нашу статью „Объ истинномъ и ложномъ націонализмѣ“ въ сборникѣ „Исходъ къ Востоку“.

Понимая положительныя стороны національной культуры, слѣдуетъ, однако, отнести отрицательно къ національному дробленію, переходящему за извѣстный органическій предѣлъ. Нужно всячески подчеркнуть, что національное дробленіе отнюдь не равнозначно анархическому распыленію національно-культурныхъ силъ, что дробленіе, въ данномъ случаѣ, не есть безпредѣльное измельчаніе. Что это именно такъ, особенно живо чувствуется, при разсмотрѣніи тѣневыхъ сторонъ національнаго дробленія.

Законъ многообразія національныхъ культуръ ограничиваетъ человѣка: человѣческое мышленіе оказывается ограниченнымъ не только особой природой самого мышленія, неспособностью выхода изъ пространства, времени и „категорій“, неспособностью преодолѣть вполнѣ шоры чувственнаго опыта, но и тѣмъ, что всякій человѣкъ способенъ вполнѣ воспринять только созданія той культуры, къ которой самъ принадлежитъ, или культуръ ближайшихъ къ этой культурѣ (что сказывается съ особою силой, когда дробленіе культуръ перерождается въ измельчаніе ихъ). Благодаря закону многообразія національныхъ культуръ, общенія между представителями разныхъ народовъ затрудняется, а при извѣстной степени различія между культурами даже становится совсѣмъ невозможнымъ. Но наряду съ этими отрицательными послѣдствіями законъ многообразія національныхъ культуръ — поскольку національно-культурное дробленіе не переходитъ извѣстнаго органически-необходимаго предѣла — имѣетъ для человѣчества и благотворныя, положительныя послѣдствія, ибо, какъ явствуетъ изъ предидущаго, только благодаря ему становится возможнымъ возникновеніе у разныхъ народовъ культурныхъ цѣнностей морально-положительныхъ и духовно-возвышающихъ человѣка. Сознавая это, люди должны мириться съ отрицательными послѣдствіями этого закона и безропотно и сознательно переносить свою національную ограниченность.

Если стремление людей облегчить себѣ физическій трудъ и уменьшить примѣненіе человѣческаго труда не заключаетъ въ себѣ ничего по существу грѣховнаго и является вполне естественнымъ, то стремление къ уничтоженію многообразія національныхъ культуръ, къ созданію единой общечеловѣческой культуры практически всегда грѣховно. Оно ведетъ къ установленію того состоянія человѣчества, которое Священное Писаніе изображаетъ какъ непосредственно предшествовавшее вавилонскому столпотворенію, и это состояніе неминуемо должно привести лишь къ новой попыткѣ постройки вавилонской башни. Всякій интернаціональ не случайно, а по существу безбоженъ, антирелигіозенъ и полонъ духомъ человѣческой гордыни.

Въ этомъ главный и основной грѣхъ современной европейской цивилизаціи. Она стремится во всемъ мірѣ нивелировать и упразднить всѣ индивидуальныя національныя различія, ввести повсюду единообразныя формы быта, общественно-государственнаго устройства и одинаковыя понятія. Ломая своеобразныя духовныя устои жизни и культуры каждаго отдѣльнаго народа, она не замѣняетъ и не можетъ замѣнить ихъ никакими другими духовными устоями и насаждаетъ только внѣшнія формы быта, покоящіяся лишь на матеріально-утилитарныхъ или рационалистическихъ основаніяхъ. Благодаря этому, европейская цивилизація производитъ небывалое опустошеніе въ душахъ европеизированныхъ народовъ, дѣлая ихъ въ отношеніи духовнаго творчества безплодными, въ отношеніи нравственномъ—безразличными или одичавшими. Въ то же время, непомерное пробужденіе жадности къ земнымъ благамъ и грѣховной гордыни являются вѣрными спутниками этой цивилизаціи. Она съ неминуемой послѣдовательностью идетъ къ новому вавилонскому столпотворенію. Съ того момента, какъ романогерманская культура начала стремиться стать общечеловѣческой цивилизаціей, матеріальная техника, чисто-раціоналистическая наука и

эгоистически-утилитарное міровоззрѣніе получили въ ней рѣшительный перевѣсъ надъ всѣмъ остальнымъ, и такое соотношеніе элементовъ культуры съ теченіемъ времени только увеличивается. Да ничего другого и не можетъ быть: японецъ и нѣмецъ могутъ сойтись только на логикѣ, техникѣ и матеріальномъ интересѣ, а благодаря этому всѣ прочіе элементы и движущія пружины культуры постепенно должны атрофироваться. Но ошибочно думать будто благодаря этой нивеллизациі культуръ, достигаемой простымъ упраздненіемъ духовной стороны ихъ, упраздняются перегородки и облегчается общеніе между людьми. „Братство народовъ“, купленное цѣной духовнаго обезличенія всѣхъ народовъ — гнусный подлогъ. Никакое братство и не осуществимо вовсе, когда во главу угла ставятся эгоистическіе матеріальные интересы, когда техника сама собой вноситъ мотивъ международной конкуренціи и милитаризма, а самая идея интернаціональной цивилизаціи, порождаетъ замыслы имперіализма и мірового господства. Упраздненіе или низведеніе на второстепенное мѣсто духовной стороны культуры ведетъ только къ моральному одичанію людей и развитію личныхъ эгоизмовъ, что не только не упраздняетъ, но наоборотъ увеличиваетъ трудности общенія между людьми и углубляетъ вражду между отдѣльными соціальными группами, даже въ предѣлахъ одного и того же народа. Все это — неизбежныя слѣдствія стремленія къ интернаціональной, общечеловѣческой цивилизаціи, и эти слѣдствія явно доказываютъ, что само стремленіе это богопротивно и грѣховно.

Многообразіе національныхъ культуръ и языковъ есть слѣдствіе закона дробленія. Дѣйствіе этого закона яснѣ всего выступаетъ въ области языка. Каждый языкъ распадается на нарѣчія, нарѣчія — на говоры, говоры — на подговоры и т. д... При этомъ каждый говоръ, кромѣ чертъ, свойственныхъ ему одному, имѣетъ нѣкоторыя черты, общихъ всѣмъ говорамъ того же нарѣчія и кромѣ чертъ, объединяющія его съ однимъ изъ сосѣднихъ

говоровъ, другія черты, общія съ другимъ сосѣднимъ говоромъ и т. д... Между сосѣдными нарѣчіями имѣются переходные говоры, соединяющіе въ себѣ черты того и другого нарѣчія. Такимъ образомъ, языкъ есть непрерывная цѣпь говоромъ, постепенно и незамѣтно переходящихъ одинъ въ другой. Языки въ свою очередь объединяются другъ съ другомъ въ „семейства“, внутри которыхъ можно различать „вѣтви“, „подвѣтви“ и т. д... Въ предѣлахъ каждой такой единицы дѣленія, отдѣльные языки располагаются такъ же какъ говоры въ предѣлахъ языка, т. е. каждый языкъ данной вѣтви, кромѣ чертъ характерныхъ для него одного и чертъ характерныхъ для всей вѣтви, имѣетъ и черты, сближающія его специально съ однимъ изъ другихъ языковъ этой вѣтви, другія черты, сближающія его съ другимъ языкомъ той же вѣтви и т. д., при чемъ очень часто между родственными языками существуютъ переходные говоры. Такъ же, какъ языки въ предѣлахъ вѣтви, относятся другъ къ другу и отдѣльныя вѣтви въ предѣлахъ семейства. Между понятіями „вѣтвь“, „языкъ“, „нарѣчіе“, „говоръ“ принципиальнаго различія не существуетъ. Когда всѣ единицы дѣленія даннаго языкового цѣлага настолько близки другъ къ другу, что носители ихъ понимаютъ другъ друга свободно, не прибѣгая къ помощи переводчика, эти единицы называютъ говорами, ихъ группы — нарѣчіями и самое языковое цѣлое (т. е. ихъ совокупность) — языкомъ. Но когда представители отдѣльныхъ говоромъ перестаютъ свободно понимать другъ друга, говоры переименовываются въ языки, ихъ группы становятся вѣтвями, а совокупность вѣтвей — семействомъ. Поэтому, часто возможны споры о томъ, является ли данная единица дѣленія языкомъ или нарѣчіемъ, а такъ же споры о томъ, къ какому изъ двухъ сосѣднихъ родственныхъ языковъ относится данная группа пограничныхъ, переходныхъ говоромъ, при чемъ одними средствами лингвистической науки эти споры, большею частью, разрѣшены быть не могутъ. — Такъ складыва-

ются отношенія языковыхъ единицъ, объединяющихся генетически, т. е. восходящихъ исторически къ діалектамъ нѣкогда единого „праязыка“ данной генетической группы (семейства, вѣтви, подвѣтви и т. д.). Но кромѣ такой генетической группировки, географически сосѣднїе другъ съ другомъ языки часто группируются и независимо отъ своего происхожденія. Случается, что нѣсколько языковъ одной и той же географической и культурноисторической области обнаруживаютъ черты спеціальнаго сходства, несмотря на то, что сходство это не обусловлено общимъ происхожденіемъ, а только продолжительнымъ сосѣдствомъ и параллельнымъ развитіемъ. Для такихъ группъ, основанныхъ не на генетическомъ принципѣ, мы предлагаемъ названіе „языковыхъ союзовъ“¹⁾. Такіе „языковые союзы“ существуютъ не только между отдѣльными языками, но и между языковыми семействами, т. е. случается, что нѣсколько семействъ генетически другъ съ другомъ не родственныхъ, но распространенныхъ въ одной географической и культурноисторической зонѣ, цѣлымъ рядомъ общихъ чертъ объединяются въ „союзъ языковыхъ семействъ“. Такъ, семейства угрофинско-самоѣдское (иначе „уральское“), тюркское, монгольское и манджурское цѣлымъ рядомъ общихъ чертъ объединяются въ одинъ „союзъ урало-алтайскихъ языковыхъ семействъ“, несмотря на то, что генетическое родство между всѣми этими семействами современная наука отрицаетъ. Дѣленіе существительныхъ на грамматическіе роды и способность корня при образованіи формъ измѣнять, вставлять и выбрасывать корневую гласную (соберу—собрать—собирать—соброръ) объединяють семейства индоевропейское, семитическое, хамитиче-

¹⁾ Яркимъ примѣромъ „языковаго союза“ въ Европѣ являются балканскіе языки, — болгарскій, румынскій, албанскій и новогреческій: принадлежатъ къ совершенно разнымъ вѣтвямъ индоевропейской семьи, они, тѣмъ не менѣе, объединяются другъ съ другомъ цѣлымъ рядомъ общихъ чертъ и детальнаго совпаденій въ области грамматическаго строенія.

ское и сѣверокавказское въ „союзъ средиземноморскихъ языковыхъ семействъ“, къ которому, вѣроятно, принадлежали и нѣкоторые вымершіе языки бассейна Средиземнаго моря. Такіе „союзы“ генетически повидимому другъ съ другомъ неродственныхъ лингвистическихъ семействъ имѣются по всему земному шару. При этомъ часто бываетъ, что одно и то же семейство или одиноко стоящій языкъ принадлежитъ сразу къ двумъ союзамъ или колеблется между двумя сосѣдними союзами, играя, такимъ образомъ, ту же роль, что переходные говоры въ генетической классификаціи ¹⁾. — Такимъ образомъ, принимая во вниманіе объ возможныхъ группировки языковъ, генетическую (по семействамъ) и негенетическую (по союзамъ), можно сказать, что всѣ языки земнаго шара представляютъ нѣкоторую непрерывную сѣть взаимно переходящихъ другъ въ друга звеньевъ, какъ бы радужную. И именно въ силу непрерывности этой языковой радужной сѣти и въ силу постепенности переходовъ отъ одного ея сегмента къ другому, общая система языковъ земнаго шара при всемъ своемъ пестромъ многообразіи представляетъ все же нѣкоторое, правда только умопостигаемое, единое цѣлое. Такимъ образомъ, въ области языка дѣйствіе закона дробленія приводитъ не къ анархическому распыленію, а къ стройной гармоничной системѣ, въ которой всякая часть, вплоть до мельчайшихъ, сохраняетъ свою яркую неповторяемую индивидуальность, и единство цѣлаго достигается не обезличеніемъ частей, а непрерывностью самой радужной языковой сѣти.

¹⁾ Такъ, индоевропейское семейство, принадлежа вобщемъ къ союзу средиземноморскому, въ нѣкоторыхъ пунктахъ (напр. въ отсутствіи префиксовъ) сближается съ союзомъ уралоалтайскимъ и, въ частности, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ представляетъ разительное сходство съ языками уральскими (угрофиннско-самоѣдскими). Одиноко стоящіе языки восточной Сибири (енисейско-остяцкій, гиляцкій, юкагирскій и т. наз. камчатскіе, т. е. камчадальскій, чукоцкій и коряцкій), являются какъ бы переходнымъ звеномъ между уралоалтайскимъ и сѣвероамериканскимъ (эскимосско-алеутскимъ) союзами и т. д.

Распределение и взаимное соотношение культур не совпадаетъ съ группировкой языковъ. Носители языковъ не только одного и того же семейства, но одной и той же вѣтви могутъ принадлежать къ разнымъ типамъ культуръ: примѣромъ, иллюстрирующимъ это положеніе, является народъ венгерскій (или мадарскій); ближайшими родичами мадарскаго языка являются языки вогульскій и остяцкій (въ сѣверо-западной Сибири), между тѣмъ культура венгровъ и культура вогульско-остяцкая не имѣютъ между собой рѣшительно ничего общаго. — И все же распределение и взаимныя соотношенія культур основаны вобщемъ на тѣхъ же принципахъ, что и соотношенія языковъ, съ тою лишь разницей, что то, что въ культурѣ соотвѣтствуетъ „семействамъ“, имѣетъ гораздо меньше значенія, чѣмъ то, что соотвѣтствуетъ „союзамъ“. Культуры отдѣльныхъ сосѣднихъ другъ съ другомъ народовъ представляютъ всегда цѣлый рядъ чертъ сходныхъ между собой. Благодаря этому среди этихъ культуръ обозначаются извѣстныя культурноисторическія „зоны“, напр. въ Азіи зона мусульманской, индо-китайской, тихоокеанской, степной, арктической и т. д. культуръ. Границы всѣхъ этихъ зонъ взаимно перекрещиваются, такъ что образуются культуры смѣшаннаго или переходнаго типа. Отдѣльные народы и части народовъ специализируютъ данный культурный типъ, внося въ него свои специфическія индивидуальныя особенности. Въ результатѣ получается та же радужная сѣть, единая и гармоничная въ силу своей непрерывности и въ то же время бесконечно-многообразная въ силу своей дифференцированности.

Таковы результаты дѣйствія закона дробленія. При кажущейся анархической пестротѣ отдѣльныя національныя культуры, сохраняя каждая свое неповторяемое индивидуальное своеобразие, представляютъ въ своей совокупности нѣкоторое непрерывное гармоническое единство цѣлаго. Ихъ нельзя синтезировать, отвлекаясь отъ ихъ

индивидуальнаго своеобразія, ибо именно въ сосуществованіи этихъ ярко-индивидуальныхъ культурноисторическихъ единицъ и заключается основаніе единства цѣлаго. Какъ все естественное, природное, вытекающее изъ Богомъ установленныхъ законовъ жизни и развитія, эта картина величественна въ своей непостижимой и необъятной сложности и вмѣстѣ съ тѣмъ сложной гармоничности. И попытка человѣческими руками разрушить ее, замѣнить естественное органическое единство живыхъ ярко-индивидуальныхъ культуръ механическимъ единствомъ безличной общечеловѣческой культуры, не оставляющей мѣста проявленіямъ индивидуальности и убогой въ своей абстрактной отвлеченности, — явно противуестественна, богопротивна и кощунственна.

Противъ такого рѣзкаго и безусловнаго осужденія попытокъ культурнаго объединенія человѣчества и созданія однородной общечеловѣческой культуры, какъ попытокъ богопротивныхъ, какъ будто говорить фактъ общечеловѣческой значимости христіанства.

Для тѣхъ, кто въ христіанствѣ видитъ лишь одну изъ многихъ религій земнаго шара, продуктъ опредѣленныхъ историкокультурныхъ условій, проблема эта, конечно, вовсе и не ставится. При такомъ взглядѣ христіанство какъ продуктъ опредѣленной культуры, тѣмъ самымъ ставится на одну доску съ другими продуктами опредѣленныхъ культуръ и вводится какъ элементъ въ общую схему многообразныхъ культурныхъ проявленій человѣчества. Никакой общечеловѣческой значительности за нимъ, въ такомъ случаѣ, признавать нельзя.

Но для тѣхъ, кто въ Христѣ признаетъ пришедшаго во плоти Сына Божія и въ христіанствѣ единственную истинную религію, слова Христа „шедше научите вся языки, крестяще я во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Матѣ. 28, 19) являются какъ бы опроверженіемъ того положенія, будто культурное объединеніе человѣчества есть дѣло богопротивное. Однако, противорѣчіе здѣсь

на самомъ дѣлѣ мнимое. Вѣдь признавая христіанство абсолютной истиной, покоящейся на божественномъ откровеніи и преподанной людямъ при помощи непосредственнаго вмѣшательства Бога въ историческій процессъ, мы тѣмъ самымъ уже отказываемся отъ взгляда на христіанство какъ на продуктъ и какъ на элементъ определенной культуры. Проповѣдь христіанства не есть введеніе въ культуру какого то новаго элемента культуры. Въ противоположность юдаизму, связанному съ определенной расой, мусульманству, связанному съ определенной культурой, и буддизму, въ принципѣ враждебному, всякому культурному дѣланью, — христіанство выше расъ и культуръ, но не упраздняетъ ни многообразія ни своеобразія расъ и культуръ. Принятіе христіанства влечетъ за собой отказъ отъ цѣлаго ряда элементовъ національной языческой культуры и преобразование этой послѣдней. Но конкретныя формы этого преобразования могутъ быть очень различны въ зависимости отъ той культурноисторической почвы, на которую христіанство попадаетъ, и единообразіе въ этой области не только не обязательно, но и невозможно. Христіанство есть „закваска“, которая можетъ быть положена въ самые различные виды тѣста, и результатъ „броженія“ будетъ совершенно различенъ въ зависимости отъ состава тѣста. А потому, та радужно-многообразная сѣть неповторяемо-индивидуальныхъ національныхъ культуръ земного шара, о которой мы говорили выше, должна была бы сохранить свою конструкцію даже въ томъ случаѣ, если бы всѣ народы міра восприняли христіанство.

Никакой нивелировки національно-культурныхъ различій, никакого созданія однородной общечеловѣческой культуры христіанство не требуетъ. Христіанство, какъ установленіе божественное, неизмѣнно. Въ историческомъ процессѣ христіанскіе догматы не измѣняются, а только раскрываются. Культура же есть по существу дѣло рукъ человѣческихъ. Она подлежитъ историческимъ измѣне-

ніямъ, законамъ еволюціи и прежде всего закону дробленія. Единая христіанская культура есть *contradictio in adjecto*. Христіанскихъ культуръ не только можетъ но и должно быть нѣсколько. Каждый народъ, воспринявшій христіанство долженъ преобразовать свою культуру такъ, чтобы ея элементы не противорѣчили христіанству и такъ, чтобы въ этой культурѣ вѣялъ не одинъ національный, но и христіанскій духъ. И, такимъ образомъ, христіанство не упраздняетъ своеобразнаго національнаго культурнаго творчества, а, наоборотъ, стимулируетъ это творчество, давая ему новыя заданія. Всѣмъ христіанскимъ народамъ дано заданіе согласовать культуру съ догматами, этикой и канонами истинной Христовой Церкви, создать храмы, формы богослуженія и принадлежности его, способныя вызывать въ молящихся представителей даннаго народа опредѣленные христіанскія настроенія, — и каждый народъ не только можетъ, но и долженъ разрѣшать эти заданія по своему, для того чтобы христіанство оказалось воспринятымъ органически и интимно слилось съ данною національною психикой.

Разумѣется, это нисколько не исключаетъ вліянія одной христіанской культуры на другую. Такія вліянія наблюдаются и между культурами нехристіанскими; вліянія эти связаны съ самымъ существомъ развитія культуръ и при естественномъ ходѣ этого развитія нисколько не ведутъ къ нивеллировкѣ національныхъ различій. Важно только, чтобы вліяніе одной культуры на другую не было подавляющимъ, чтобы культурныя заимствованія органически перерабатывались, и чтобы изъ своихъ и чужихъ элементовъ создавалось новое единое цѣлое, плотно пригнанное къ своеобразной національной психикѣ даннаго народа. Церковь Христова едина. Единство ея предполагаетъ живое общеніе между отдѣльными помѣстными церквами. Но это общеніе возможно и безъ культурнаго единства. Единство Церкви выражается въ общности Священнаго Писанія, Священнаго Преданія, догматовъ и канонѳвъ, но

вовсе не въ тѣхъ конкретныхъ бытовыхъ, художественныхъ и правовыхъ формахъ, которыми догматы, каноны, преданія и писанія приспособляются къ жизни каждаго даннаго народа. Попытки зафиксировать эти формы, и уничтожить въ этой области различія между народами, принадлежащими къ одной Церкви, но не совсѣмъ къ одной и той же культурѣ, основаны на суевѣрїи и обрядовѣрїи и не ведутъ къ добру. Мы, русскіе, жестоко пострадали отъ подобной попытки, предпринятой при патриархѣ Никонѣ и приведшей въ области церковной — къ расколу, а въ области житейской — къ тому ослабленію сопротивляемости русскаго культурно-національнаго органа, которое подготовило петровскій разгромъ.

Итакъ, для христіанина христіанство не связано съ какой нибудь одной опредѣленной культурой, Оно не есть элементъ опредѣленной культуры, а ферментъ, привносимый въ самыя разнообразныя культуры. Культура Абессинїи и культура средневѣковой Европы совершенно непохожи другъ на друга, несмотря на то, что обѣ онѣ христіанскія.

Если мы всмотримся въ исторію распространенія христіанства, то убѣдимся въ томъ, что распространеніе это шло успѣшно именно тамъ, гдѣ христіанство воспринималось какъ ферментъ, а не какъ элементъ, уже готовой иностранной культуры. Органически и плодотворно воспринятымъ, привившимся оказывалось христіанство лишь тамъ, гдѣ оно переработало національную культуру не упразднивъ ея своеобразія. И наоборотъ, однимъ изъ самыхъ сильныхъ тормазовъ распространенія христіанства всегда было ошибочное отождествленіе христіанства съ какой нибудь опредѣленной, для даннаго народа иностранной культурой.

Если во многихъ случаяхъ неприятіе даннымъ народомъ христіанства имѣло и имѣетъ свои глубокія, быть можетъ мистически-провиденціальныя причины, то въ цѣломъ рядъ случаевъ, быть можетъ даже въ большинствѣ,

причина лежитъ въ томъ, что миссіонеры распространяли не христіанство какъ таковое, а опредѣленную христіанскую культуру. Этимъ грѣшили и православные миссіонеры: ни для кого не тайна, что зачастую миссіонерство внутри Россіи было орудіемъ руссификаціи, а за предѣлами Россіи — орудіемъ распространенія русскаго политическаго вліянія. Но въ еще большей мѣрѣ это относится къ миссіонерству неправославному, — католическому, протестантскому, англиканскому. Романогерманскіе миссіонеры сами на себя смотрятъ прежде всего какъ на культуртрегеровъ. Вся ихъ миссіонерская дѣятельность связана съ „сферами вліянія“, съ колонизаціей, европеизаціей, цивилизаціей, съ концессіями, факторіями, плантаціями и т. п. Миссіонеры являются не посланными отъ Бога проповѣдниками богооткровенныхъ истинъ, а агентами колониальной политики или представителями „интересовъ“ той или иной державы. Проповѣдуя не христіанство, а католичество, протестантизмъ или англиканство, т. е. тѣ виды уклоненія отъ христіанства, которые укоренились въ условіяхъ романогерманской культуры и тѣсно связаны съ ней, миссіонеры фактически, проповѣдуютъ просто саму эту культуру. Успѣхъ ихъ проповѣди естественно ставится въ зависимость отъ степени способности даннаго народа „пріобщиться къ европейской цивилизаціи“. А такъ какъ въ этой цивилизаціи христіанство давно уже отодвинуто на задній планъ и заглушено столпотворенческими тенденціями, то естественно, что новообращенные „туземцы“, воспринимающіе христіанство въ перспективѣ европейской цивилизаціи и какъ элементъ при томъ, совсѣмъ не самый важный этой цивилизаціи, оказываются очень плохими и, во всякомъ случаѣ, творчески совершенно безплодными христіанами. При такомъ способѣ миссіонерства обращаются въ христіанство не цѣлыя народы, способные органически переработать свою національную культуру въ христіанскомъ духѣ, а лишь отдѣльные индивидуумы, которые самимъ фактомъ своего

обращенія отсѣкаются отъ родного національно-культурнаго ствола и становятся агентами-сотрудниками при проведеніи экономическихъ и политическихъ замысловъ иностранной державы.

Такимъ образомъ, заповѣдь Христа научить всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святого Духа по существу остается невыполненной. И невыполнена она въ значительной мѣрѣ именно потому, что миссіонерство было обращено въ орудіе европеизаціи, въ средство къ установленію однородной общечеловѣческой культуры, богопротивную сущность котораго мы постарались раскрыть въ предшествующемъ изложеніи.

Стремленіе къ нивеллировкѣ національныхъ различій не можетъ оправдываться ссылками на необходимость христіанскаго миссіонерства, ибо, какъ разъ наоборотъ, это миссіонерство оказывается безплоднымъ и неудачнымъ именно благодаря своему союзу съ нивеллирующимъ культуртрегерствомъ, по существу анти-христіанскимъ.

кн. Н. С. Трубецкой